

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

В КОЛХОЗЕ ИМЕНИ ОРДЖОНИКИДЗЕ

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

[Опущена. Начало на 1-4 стр.]

носью. Стандартной эмоциональной немой. Тем отуждают — это легко чувствовать, но трудно пережить — вот где тебе над крышей не волно не бо, а следующий этап, тем, что в окно не глянет живая ветка и зелень травы не встретит тебя у порога. А это нужно, это очень нужно человеку, который живет, работает на земле, хот он этого подчас и не замечает, как не замечает воздуха, которым дышит. «Нужно, чтоб была и ветка, и зелень, и небо над головой, и синий цвет в окне, и чтоб дети твои посадили цветы в палисаднике, и такая-никакая животина жила у тебя на дворе. Чтоб с этого начинался день и кончался день. И потом ведь не забывайте — нам и детей своих воспитывать жреборами, с малых лет чтоб приласкались дети к земле. Как же без живого ощущения земли у родного крыльца возрастает большое чувство труженника и хозяина на земле!

Нет, нам строить такие дома, чтобы всем своим существом опирались на землю. Из такого нашего взгляда произрастает и общий облик села, как складывается он у нас на глазах, его повторило у себя лицо, где все берется в учет — привычки, потребности и вкусы сельянина и его приверженность к традициям в хозяйствовании, в быту, и самый смысл его натур, соединенный с характером родной природы и привычкой родной местности.

Ну, а доловили ли мы своим более или менее установленным типом дома, которым вырастает целые улицы? Довольны. Если житьское, так сказать, наполнено — удобства быта — будет попользоваться, обогатиться, но и сейчас мы своим домом довольны. Но вот интересное дело: становится новый дом, каким разработал он архитекторами для села, и сразу же, как правило, новоселы присутствуют к его индустриализации, если так можно сказать, к его художественному обогащению. Хотя в чем-то, а украсть. Ставки, намопники с накладными «шпирками» и «квитками». Конек над крышей, пролезные узорные дымники над трубой. В обилие своего жилья, в обилие села люди хотят ощутить свою народную, национальную эстетическую природу.

Будем говорить так: нынешний архитектура села нам ее все-таки не хватает — эту праздничность и поэзию народного вкуса. Трудно сказать, в чем это должно выражаться. Роспись, маляжка на стенах, как делали бывало бабы и «драбники». Но привычный дом по своему своему облику вряд ли приемлет традиционную роспись, а к тому же на Харьковщине

но ее и раньше не было, так что и традиции такой в наших местах нет. Это на Подташине, на Киеватине, на Виничине, на Днепротрошине — вот где некогда шела народная роспись на хатах, а нынче ведь и там она позабылась, а если бы и не позабылась, то все равно не прилась бы к современному дому.

Что ж, получается, не так уж неправы те, кто сетует, что украинское село позабыло о своем национальном народном лице? Нет, просто это лицо стало нынче другим. К ледовской хате — крытой соломой, об одном окошечке — возрата нет, и о том печальтесь не будем. Хаты под соломенной крышей нет, есть современная, новый дом, где в радостный рост живет человек, и все так же возда его дома и тополя, и вышневый садочек, и келье зори, во всех наших песнях воспеются, и самые эти песни звучат над нынешним нашим селом.

И все же повторю: архитектура жилого, общественного здания, которая приходит на село, недодала нам праздничности национального вкуса — не музейного, но современного, живого, который был бы под стать и нашему асфальту, и нашему люминисцентному свету. Так же, как и в городе. Великий раз, когда бывало в Киеве, с радостью смотрю, до чего же правдиво, весело наделает Киев современный национальный художественный нарды. Нет народных бедных на красоту, но уж Украине народного художества досталось на десятилетия. И честь за то нашим архитекторам, художникам, которые сумели — помните гоголевского кузнеца Вакулу, у которого на стенах были козлы на конях, с трубами в зубах? — сумели живописанье старого Вакулу о современности, вложить в него сегодняшний лад и щедро отдать сегодняшним стенам. Мы ждем приобщения этого художественного опыта и у нас на селе — в общественных зданиях, в домах культуры, в школах.

Значит, вот вам и еще одна фигура, которая необходима нынче на селе, — художник. В этом смысле город в донгу перед деревней. Художники стольким образом селу, стольким образом крестьянскому искусству, что, право же, не грех им и вспомнить родную.

«Да, мы хотим иметь у себя много из того, что имеет город. Не для того, чтобы стать городом, — для того, чтобы остаться селом. Вернее — расти, развиваться, чтобы стать именно самостоятельным селом. Чтобы гуще, богаче, многостороннее, тоньше стала духовная жизнь села.»

А ТО ЛЮДИЛА, старшая мов. В техникуме учится, строителем. В Харькове. Говорит — красная! Матери такое слышать приятно. Только у нас на селе что ни дичина, то красна. Многие для девяти красота, да не в ней одной девичья прелесть. Не в ней. Добрым у нас Людмила и добру бле-говарива. Была у нас учительница. Городская, приехала. Звали ее Киса Валентиновна по фамилии Шмуклаская. Закончила Харьковский университет и 15 лет учительствовала по селам. В нашей Еватериновке проработала лет десять. Русскому языку учила, литературе. На уроках не, не созу, не бывала, а вот лежила в клубе слушала. Стихи она любила и так о них рассказывала, что слушал бы ее и слушал. Умела в сердце человека постучать учительница. А третиго года не-счастие случилось на село ее. Жароник вышло все село. О детях уже не говорю: любил ее без памяти. Похорошил Кису Валентиновну на нашем сельском кладбище, вдали от отца-матери. Но не было такого, чтобы лата на ее могиле цветы не лежали. И такого не было, чтобы моя Людмила, приехав, не пошла к ней с цветами.

Стихи моя доча любит, театр. И слог у нее такой легкий, красивый. Что говорит, что книжку нам вслух читает — артистка. Слушаю ее и думаю: от кого такой Сама я всего шесть классов закончила, а дочка моя интеллигентка. Не по званию, но по аттестату, а по всей своей внутренней стати, по духе своей. Думаю и не нахожу другого объяснения, кроме того, что была у нее такая учительница, как Киса Валентиновна.

Спросите, почему я об этом? А потому, дорогие мои товарищи, что нет-нет, а спрашивают нас некоторые люди: а не жалко ли нам денег? Дома мы для наших специалистов построили, что твои палаты. Меньше трех комнат ни у одного нет. Такое, говорят, и в городе не встретишь. А нам — нет, не жалко. Не жалко, потому как они — наши, родные люди, без которых, может, и были бы мы сны, но вот была бы моя Людмила такой, как сейчас, — не знаю.

Глядите — вот она, Киса Валентиновна. Красная, правда! Волосы у нее были, что те пшеница, голос... Ну, а ты наша Лариска, младшая. В четвертый класс перешла. Недавно подошел ко мне:

— Мама, — говорит, — продамо короку та й купимо пшеницю... — Та й наваюто тоби пшеницю? — Грати зочу!

Объяснила в доче, что короку продавать нам ни к чему, что деняги — так найдуться. А только нет подумай: много у колхоза нашего стипендиатов в институтах — и на агрономов учатся, и на инженеров, и на врачей. А вот на учителя музы-

— Мама, — говорит, — продамо короку та й купимо пшеницю... — Та й наваюто тоби пшеницю? — Грати зочу!

Объяснила в доче, что короку продавать нам ни к чему, что деняги — так найдуться. А только нет подумай: много у колхоза нашего стипендиатов в институтах — и на агрономов учатся, и на инженеров, и на врачей. А вот на учителя музы-

НАД СЕМЕЙНЫМ АЛЬБОМОМ

РАССУЖДЕНИЯ КОЛХОЗНИЦЫ АННЫ ЯКОВЛЕВНЫ ЛЕВЧЕНКО О СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

еще никого не посылала. Прерывала с секретарем партийного комитета поговорить. С Александром Григорьевичем Козарозом. Молодой у нас секретарь, веселый, все в лодках понимает. «Лак и так, говорю, желает моя Лариска не пшеницю играть». Согласился он с Лариской: надо своего человека учить музыке. Сказал: «будем учиться».

А потом пришла я домой, спать легла, а сон не идет. Лежу и думаю: ни же, ни получилось, что дочка моя крестьянская, музыка и правнучка, пшеницю наперед коровь-нормиронци ставит! А я, мать ее, на поколение в поколение крестьянка, тому не удавалось, а радуясь. Потому как понимаю: не хлебом одним жив человек, но сытостью, не одним достатком. И оттого, что я так думаю, мне и за себя радостно и приятно. «А кто же тебя, Анна, так думать научила» — спрашиваю я себя. Спросила и никак не могла вспомнить. Знаю Ивану Павловичу, школьному директору: сколько слов он сказал, убеждая нас, родителей, что культурный ребенок может вырасти только в культур-

— Мама, — говорит, — продамо короку та й купимо пшеницю... — Та й наваюто тоби пшеницю? — Грати зочу!

Объяснила в доче, что короку продавать нам ни к чему, что деняги — так найдуться. А только нет подумай: много у колхоза нашего стипендиатов в институтах — и на агрономов учатся, и на инженеров, и на врачей. А вот на учителя музы-

еще никого не посылала. Прерывала с секретарем партийного комитета поговорить. С Александром Григорьевичем Козарозом. Молодой у нас секретарь, веселый, все в лодках понимает. «Лак и так, говорю, желает моя Лариска не пшеницю играть». Согласился он с Лариской: надо своего человека учить музыке. Сказал: «будем учиться».

еще никого не посылала. Прерывала с секретарем партийного комитета поговорить. С Александром Григорьевичем Козарозом. Молодой у нас секретарь, веселый, все в лодках понимает. «Лак и так, говорю, желает моя Лариска не пшеницю играть». Согласился он с Лариской: надо своего человека учить музыке. Сказал: «будем учиться».

— Мама, — говорит, — продамо короку та й купимо пшеницю... — Та й наваюто тоби пшеницю? — Грати зочу!

Объяснила в доче, что короку продавать нам ни к чему, что деняги — так найдуться. А только нет подумай: много у колхоза нашего стипендиатов в институтах — и на агрономов учатся, и на инженеров, и на врачей. А вот на учителя музы-

еще никого не посылала. Прерывала с секретарем партийного комитета поговорить. С Александром Григорьевичем Козарозом. Молодой у нас секретарь, веселый, все в лодках понимает. «Лак и так, говорю, желает моя Лариска не пшеницю играть». Согласился он с Лариской: надо своего человека учить музыке. Сказал: «будем учиться».

еще никого не посылала. Прерывала с секретарем партийного комитета поговорить. С Александром Григорьевичем Козарозом. Молодой у нас секретарь, веселый, все в лодках понимает. «Лак и так, говорю, желает моя Лариска не пшеницю играть». Согласился он с Лариской: надо своего человека учить музыке. Сказал: «будем учиться».

— Мама, — говорит, — продамо короку та й купимо пшеницю... — Та й наваюто тоби пшеницю? — Грати зочу!

Объяснила в доче, что короку продавать нам ни к чему, что деняги — так найдуться. А только нет подумай: много у колхоза нашего стипендиатов в институтах — и на агрономов учатся, и на инженеров, и на врачей. А вот на учителя музы-

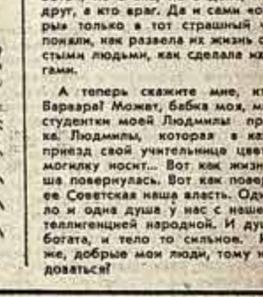
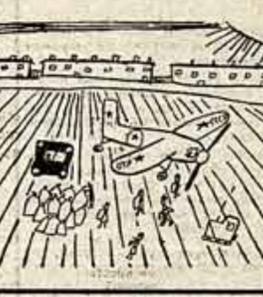
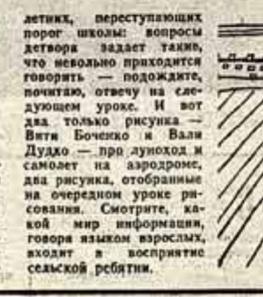
еще никого не посылала. Прерывала с секретарем партийного комитета поговорить. С Александром Григорьевичем Козарозом. Молодой у нас секретарь, веселый, все в лодках понимает. «Лак и так, говорю, желает моя Лариска не пшеницю играть». Согласился он с Лариской: надо своего человека учить музыке. Сказал: «будем учиться».

еще никого не посылала. Прерывала с секретарем партийного комитета поговорить. С Александром Григорьевичем Козарозом. Молодой у нас секретарь, веселый, все в лодках понимает. «Лак и так, говорю, желает моя Лариска не пшеницю играть». Согласился он с Лариской: надо своего человека учить музыке. Сказал: «будем учиться».

РИСУЮТ ДЕТИ

Измеритель, очень тонкая и живая, — детский рисунок. Старая учительница в селе, через руки которой прошла целая поколения жителей Еватериновки, так рассказывает о нынешних семилетних, переступающих порог школы: «Вопросы детворы задают такие, что нелегко приходится говорить — подождайте, пожалуйста, ответ на следующем уроке. И вот два только рисунка: Иван Боченко и Вали Душко — при луноходе и самолете на аэродроме, два рисунка, отобранные на очередном уроке рисования. Смотрите, какой мир информации, говоря взаимно парусам, входит в воспитание сельской ребятни.

ИНТЕРВЬЮ С ДЕРЕВЕНСКИМ ДЕТЕКТИВОМ

ДЕРЕВЕНСКИЙ детектив? Фигура, знакомая по фильмам. Что же, живая издает в кино, а кино входит в жизнь. Но не потому только, что фильм был такой — об участком инспекторе на селе — приглашаем мы к разговору о яросте людской человека в форме милиции. Приглашаем потому, что очень много, что не входит в заблуду завлуклом, учителя, библиотекаря, становится заботой культуртрекера в фуражке с красным окошечком.

Собеседник наш — старший лейтенант милиции ВАСИЛИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ МАНЬКО.

О чем же ваша забота, Василий Емельянович, товарищ участковый инспектор? И идет наш разговор о том, что год от года спокойней и проще становится ему работать, если глядеть на его работу с точки зрения одного лишь служебных инструкций. Спокойней, проще, но и беспроблемней, сложнее. Сельский детектив? Только лад? Как бы не так. Сельский психолог! Во все выныкает и все видеть, в зачатке угадывать, где могут быть неприятности у людей, где попросту может быть омерзено настроение. Служба хороша — называйте так. Называйте так. Мне нравится, когда хорошее настроение у людей. Его-то и надо беречь. Норма, считаю, это чтоб все было в красоте и в добре. Бывает, конечно, — скажем, спорили, да и то не из нашего села, угнали с одного двора автомашину, был такой случай. — тут уж, как говорится, ничего не попишешь. Должность моя — она на работе стоит. А полагая, и так полагаю, что и на душе. И если, допустим, со-

ра в семье да жипка на человека, а человек с дурным словом на женку — тут доброты нужна и участливость. Людям важно к душевному состоянию вернуться. Красоту им человеческую возвращать, если уж они ее неварком терять. И добротой, пониманием больше сделаем, чем окриком и приказом.

И еще хочу, чтобы забота моя стала заботой многих людей на селе — общей заботой. Охрана порядка должна человечности учить. Справедливости. Вот наши дружинники, «юные дзержинцы» при школе — право же, это хорошо, что их касается наша милициска служба, как хочется ее понимать. Попросту, это ведь тоже продолжение того, что делает школа, что делает учитель. — обучение жизни. И добавлю еще — это очень важно, скажите об этом. — чем охотливей и краше идет дело у работников культуры на селе, тем меньше нас достается хлопот. Чтобы человеку достойно жить среди людей, тут и хорошая книга свое сделает, и песня, и фильм.

— А кстати, Василий Емельянович, вопроса этого не миновать, — когда у вас на селе показывали «Деревенский детектив», как высекло чувствования?

— Да так, словно меня вызвали к самому главному моему началу и показали, какими мне надо быть. Или будто в здании меня похлопали и в авторстве перед народом. Благодарность моя этому фильму.

РЕПОРТАЖ

ГОД 1934-й. Максим Горький на трибуне I Всесоюзного съезда писателей: — Государство пролетариев должно воспитать тысячи отличных мастеров культуры. «Книжечка души, это необходимо для того, чтобы вернуть всей массе рабочего народа... право на развитие разума, талантов, способностей.»

Год 1939-й. Открытие Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. На стендах главного павильона — раскраска о колхозе имени Орджоникидзе. Приметы новой жизни: медальон, магазин, школа-семилетка, клуб.

И — год 1970-й. Декабрь. Обычный колхозный день.

— Виктор Семенович! По ступенькам катится вихрь парадных фартовок, пушистых байтов. Еще секунда — и из директора Дома культуры обрушивается водопад звуков — нечто среднее между синичьей сорой и настраивающимся симфоническим оркестром. Имя определенное назвать, можно приблизительно установить смысл переполоха: начинающий колхозник Уладислав и Пшеницкий интересуют, будут ли они участвовать сегодня вечером в концерт.

Получил удовлетворительный ответ: девичьи фарточки и байты закружились в обратном порядке и исчезли, оставив посередине фойе высокого потолка человека в темном-омерзком костюме. Человек постепенно пришел в себя и снова двинулся к лестнице.

— Виктор, погодите! Интересно, удачи ему сегодня дойти до второго этажа, где на хорках приналежит маленькая, но от-

МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ

дечно оборудованная фотолаборатория? Нет, не удалось. Позвали на репетицию. Потом — парторг. Потом селу, члену депутатской комиссии по новым обрядам, надо было идти в «комитету ставлен».

Комната счастья — добрая школа сельских активистов. Сколько молодых пар уже переступило порог! Шан по коровой дорожке жених да невеста, слыша и не слыша восхищенный шепоток одноклассников, видя и не видя, как навстречу поднимаются из-за стола депутаты сельсовета. А обратно под высокий фронтон Дома культуры выходили уже муж и жена. И здесь, в этой комнате счастья, люди в лентах цветов государственного флага Украины и СССР и с золотыми гербами бережно принимали из их рук темный пушистый сверток и нарекали нового гражданина Страны Советов и села Еватериновки Оксаной или Миколой, Светланой или Олешком: это называется в село «звездан».

А, впрочем, каждую комнату сельского Дома культуры по праву можно было бы назвать так: комната счастья. И ту, большую и уютную, где собирались по вечерам члены товарищеского клуба в Гриваде. Мы склани шагом.

Мы мались в бока. Стихи, художественное чтение — страсть и любимая работа директрисы Дома культуры. Недавно поставили большую литературно-музыкальную композицию «Ты любовь моя, человек!» («Говорят поэты разных стран и народов») — нашла ее в «Молодежной эстраде» за прошлый год. Литературному спектаклю

все предрекали погубить! — дескать, будут вам люди тридцать пять минут без передыхания стихи слушать! До поздней ночи колдовала гривадом инах подшивала журналы, подбирала иллюстрации: надо было соединять в одно музыка, слово, свет и изображение.

Люди сидели в зале. И слушали. Эти тридцать пять минут. А потом долго не отускал исполнителей со сцены. Подражался с дипломом, завовавшимся на лесинском смотре.

И это тоже было счастьем. Ну, а лекционный зал, где обычно проходят репетиции мужского вокального ансамбля, — же комната счастья для его участников? Люди, абсолютно разные по возрасту и темпераменту, они просто не мелятся один без другого. Любо слушать их выступление в концерт. Голоса у всех мягкие, поставленные самой природой. Запевает чаще других двое — сам директор ДК Виктор Нечитайленко и кинооператор Станислав Китченко. Дуэт этот спешивший, почти профессиональный по своему уровню. Как заведует «Девичью хором», в зале слово тепло-лая волна прокатится.

Орджоникидзевцы — люди неуверенно от малю до велика. Стоит ли поэтому удивляться, что не только в колхозном ДК, но и в бригадах работают просто замечательные коллективы? Взять хотя бы хор Михайловского клуба. Это народный коллектив почти этнографического плана. Песню его знают по всей Украине — дважды был он лауреатом республиканских смотров. Заместитель — не районный, даже не колхозный — бригадир, был, правда, в его биографии и черные дни — да к

чему поминать печальное! Не дали в колхозе забыть михайловской песне. Пришел новый руководитель — хороший хористей, удачливый и опытный организатор, способный музикант. Афан Савва — наша слава, — шутит теперь певцы. А ведь верной! Хор сейчас в прекрасном состоянии. Ему доступны и песни советских композиторов, и народные песни; исполняются они под баян и гарелла; виртуозное, чисто украинское многоголосие, тончайшая нюансировка, достигаемая лишь тогда, когда певцы свободно импровизируют, каждый по-своему и все вместе переживая музыкальную фразу, заставляют нас забывать о том, что это любительский приходный клуб, лишь в свободное от работы время.

Есть здесь и коллектив, редко встречающийся даже в больших городах — широкор. Причем не просто широкор — украинский ансамбль. Когда-то в украинской эстраде (пользуясь современным определением жанра) существовал традиционный парный концерт: оркестратический диалог «рыжого» с резонором. Так строится и номера созданного художником Дома культуры Аваляном Фесенко небольшого ансамбля сатирических куплетов. Работают артисты с выдумкой, очень остро, хотя все время чувствуется мучительная нехватка репертуара — его просто нет ни в одном сборнике, ни в одной методичке, и все надо выдумывать самим.

Впрочем, репертурные трудности существуют для всех девяти екатеринских коллективов. Для драматического, для духового оркестра и для эстрадного, для кружка вокалистов и детского театра сканцы.

Сельская библиотека. Да за стенами — Шевченко и Пушкин. «Учитесь, братья мои, думайте, читайте и чудному научайтесь, и своего не чужайтесь. И — Пома свободною горим, пока сердца для чести живы...»

Разговор идет возле библиотеки холма.

Пожилый человек, пенсионер, из поколения, прошедшего двадцать тридцатые годы, Великую Отечественную, — Николай Андреевич Лещенко.

— Без книг не представляю себе жизни. Мне книги дают уверенность — чувствую себя в полный рост рядом с людьми.

Девушки-десятиклассницы — они на фотографии, вместе с библиотекаршей Светланой Китченко, — Наташа Семеновна, Люда Иванченко, Наташа Трив, Любимые поэты — Есенин, Сосюра, Светлов, Маяковский, Дималин.

— У Мусы Джалиля очень нравится про доченьку Чулпан, — говорит Наташа, — про звезду Чулпан — он написал эту песню на каньих Мовбитской тюрьмы, помините!

— В час, как солнышко зайдет И Чулпан-звезда страны моей, Промлетит к тебе бы и я, Только свет тебе пролетит...

Причем в стране, кажется, нет такой республики, такого района, где самодеятельность не жаловалась бы на отсутствие репертура. Наверное, происходит это потому, что все-таки воздух самодеятельности — это выживание.

воспитать тысячи отличных мастеров культуры, «ниженерно душа, чтобы дать народу право на развитие разума, талантов, способностей.»

Выполняли, а вот что-то еще вокруг этого доделывать забыли: репертуар им вовремя не подбирали, то насчет гуаша для клубного оформления районные снабженцы, когда надо, не расстарались. Кричало шумно. А иногда надо вдруг останавливать на минутку, галдеть вокруг себя и утихомирить.

увидеть Еватериновку! — вот как сейчас, тихо припророшеную систему.

Дом культуры светится огнями. Сидит за столом заполном, Виктор Нечитайленко.

Доделывает последнюю кукуку в застрявшем представлении добрый сказочник, пенсионерка-учительница Антонина Антоновна Ставицкая.

Распевает по голосам козую песню Станислав Шевченко. Стакло спит десятиклассница, а скоро, может, колхозная студентка театрального училища Люда Иванченко, и снится ей, что вот уж и актриса она, и выступает в родном колхозе.

И понятия, что вот они, те кадры, о которых во так давно только еще мечтали старые и малые мастера культуры, Люди колхозного села. Его доброе таланты.

З. МИХАЙЛОВ.

